

Павлова Елена Касимовна

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена изучению эмоционально-оценочной лексики, используемой в глобальном публичном политическом дискурсе в условиях современной информационной войны для управления общественным мнением, формирования образа врага и сокрытия неприятной истины. Традиционные лексические средства, такие как эвфемизмы и дисфемизмы, широко используются в современном политическом дискурсе для достижения этих целей. Но есть и некоторые опасные тенденции: значительное снижение достоверности информации в СМИ, распространение недоказанных и поддельных новостей; использование эвфемизмов не для мелиорации смысла, а для его фальсификации; особо частое использование дисфемизмов для того, чтобы представить Россию злым врагом. В сочетании с доминированием американских СМИ в глобальном информационном пространстве такой политический дискурс вводит в заблуждение мировое общественное мнение. Публичное разоблачение данных лексических манипуляций может быть одним из средств защиты от информационной войны.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 11(77): в 3-х ч. Ч. 2. С. 129-131. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

к эмоционально-оценочному содержанию личности делает возможным актуализацию способности речевых стереотипов осуществлять типизированное воздействие на личность.

Итак, основными функциями речевых стереотипов являются неосознаваемая индивидом передача мыслей в процессе общения, обобщенное отражение повторяющихся явлений действительности, экономия речевых усилий, регулирование поведения коммуникантов. Реализуя данные функции, речевые стереотипы отражают в речи социальные стереотипы, т.е. процессы и явления действительности, людей и различные вариации отношений между ними в типичных, привычных ситуациях общения. В процессе социализации индивид усваивает определенные, свойственные его социальной группе социальные стереотипы и, соответственно, их лингвистическую реализацию – речевые стереотипы. От степени владения личностью определенным багажом речевых стереотипов и умения применять их с определенной целью зависит ее успешная адаптация в обществе.

Список источников

1. **Карасик В. И.** О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
2. **Колмакова В. В., Федоненко К., Савельев Т.** Влияние СМИ на речевую культуру // Молодой ученый. 2016. № 7-4 (111). С. 14-17.
3. **Крысин Л. П.** Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования / под ред. И. Кона. М.: Наука, 1976. С. 42-52.
4. **Одарюк И. В.** Особенности стереотипного речевого поведения журналистов: дисс. ... к. филол. н. Ростов-на-Дону, 2003. 157 с.
5. **Щерба Л. В.** Язык, система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 428 с.
6. **Motsch W.** Illokutionstypen, Implikaturen und sprachliche Äusserungen // Implikaturen. Grammatische und pragmatische Analysen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1995. S. 143-163.

PRAGMALINGUISTIC ASPECT OF SOCIALIZATION OF THE INDIVIDUAL

Odaryuk Irina Vasil'evna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Rostov State Transport University
odar-irina@yandex.ru

Kolmakova Valentina Vasil'evna, Ph. D. in Philology, Doctor in Pedagogy, Associate Professor
Don State Technical University, Rostov-on-Don
vklm07@mail.ru

The article deals with socialization as a process of assimilation of certain social roles by a person. It is established that the mastery of a particular role by the person assumes also the mastery of a certain set of social stereotypes and their verbal realization – speech stereotypes. Speech stereotypes, being an obligatory component of socialization of the individual in a particular socium, actualize their ability to regulate the behavior of communicants in typical communication situations.

Key words and phrases: social role; social stereotype; socialization; situation of speech communication; speech stereotype; speech effect.

УДК 81

Статья посвящена изучению эмоционально-оценочной лексики, используемой в глобальном публичном политическом дискурсе в условиях современной информационной войны для управления общественным мнением, формирования образа врага и сокрытия неприятной истины. Традиционные лексические средства, такие как эвфемизмы и дисфемизмы, широко используются в современном политическом дискурсе для достижения этих целей. Но есть и некоторые опасные тенденции: значительное снижение достоверности информации в СМИ, распространение недоказанных и поддельных новостей; использование эвфемизмов не для мелiorации смысла, а для его фальсификации; особо частое использование дисфемизмов для того, чтобы представить Россию злым врагом. В сочетании с доминированием американских СМИ в глобальном информационном пространстве такой политический дискурс вводит в заблуждение мировое общественное мнение. Публичное разоблачение данных лексических манипуляций может быть одним из средств защиты от информационной войны.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; информационная война; образ врага; эвфемизм; дисфемизм.

Павлова Елена Касимовна, д. филол. н., доцент
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Helen_Pavlova@hotmail.com

**ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ**

Одной из основных задач информационной войны является создание образа врага и внедрение его в массовое сознание. В нашу информационную эпоху формирование политической картины мира в сознании человека происходит практически исключительно под влиянием СМИ, поскольку большинство людей

отстранено от непосредственного участия в политических процессах. Оторванность человека от политической практики и медиатизация его политического бытия открывают широчайшие возможности для манипулирования его сознанием и формирования в нём стереотипов, и эти возможности используются для ведения информационной войны.

Несмотря на развитие телевидения и мультимедийных электронных СМИ, демонстрирующих фото- и видеоматериалы и воздействующих на сознание через визуальное восприятие, основным инструментом формирования политической картины мира по-прежнему остаётся речь – главный и наиболее значимый компонент политического дискурса. На лексическом уровне образ врага формируется главным образом за счёт специально подобранной эмоционально-оценочной лексики, используемой для создания у читателя или слушателя стойких негативных коннотаций и ассоциаций в связи с упоминанием объекта информационной войны. В то же время негативная информация о «своих» замалчивается или подвергается эвфемизации для получения положительных коннотаций и ассоциаций.

Такого рода дискурсивные практики не отличаются новизной, они широко применяются в СМИ США со времён Вьетнамской войны, Уотергейта и Ирангейта. Для смягчения негативной реакции на такие реалии политической жизни, как *война, бомбардировка, шпионаж за политическими противниками, незаконные поставки оружия*, для номинации реалий в политическом дискурсе США использовались эвфемистические слова и выражения, такие как “operation” / «операция» [1, с. 212], “air support” / «воздушная поддержка» [Там же, с. 207], “electronic surveillance” / «электронное наблюдение» [Там же, с. 208], “humanitarian aid” / «гуманитарная помощь» [Там же, с. 209]. Для создания образа врага, в качестве которого в то время США рассматривали СССР, употреблялись такие дисфемистические выражения, как, например, “evil empire” / «империя зла» [6]. Однако современный политический дискурс по наиболее острым проблемам глобальной политики отличается особенной лексической агрессивностью в сочетании с широким использованием фальсифицированной информации, ложных обвинений и прямого обмана.

Успехи России в войне против террористических организаций в Сирии и воссоединение Крыма с Россией стали поводом для представления России злым агрессором и захватчиком, попирающим международное право. Вопреки воле народов Крыма и игнорируя соблюдение Россией процедур самоопределения, предусмотренных международным правом, СМИ США называют воссоединение Крыма не иначе как “takeover of Crimea” / «захват Крыма» [5], “Russia’s takeover of Crimea” / «захват Крыма Россией», “Russia’s intervention in Crimea and Ukraine” / «интервенция России в Крым и Украину» [3]. Употребление слов “takeover” / «захват» и “intervention” / «интервенция» вместо юридически и фактически правильного термина «добровольное присоединение» является типичным примером дисфемистической замены номината для создания отрицательной эмоционально-оценочной реакции и формирования образа врага.

Аналогичной дисфемизации подвергаются темы гуманитарной помощи населению востока Украины, поддержки Россией самопровозглашённых ДНР и ЛНР и усилий России по разрешению конфликта на востоке Украины. Несмотря на многократное разоблачение фальшивых «доказательств» присутствия российских войск на территории этих республик и даже на признание отсутствия таких войск Киевом, СМИ США упорно продолжают писать и говорить о “Russia’s intervention in neighboring Ukraine” / «Российской интервенции в соседнюю Украину» [5]. В то же время вмешательство США в дела Украины, их прямое участие в государственном перевороте 2014 г. практически полностью замалчиваются в глобальных СМИ. Кроме того, до недавнего времени предложения о поставке боевого оружия из США на Украину маскировались эвфемистическими словами и выражениями. Яркий пример такой эвфемизации, направленной на обман общественного мнения, приведён в публикации *New York Daily News*, цитирующей высказывания депутата Конгресса США Стива Израэля: “«We can stop it and put him back on his heels by providing some essential equipment,» meaning lethal aid, he said” [9]. / ««Мы можем остановить и обезкуражить его, поставив некоторое необходимое снаряжение», – сказал он, имея в виду смертельную помощь». Настаивая на поставках Киеву смертоносного оружия, конгрессмен называл его также эвфемизмами “defensive technologies” / «оборонные технологии» и “defensive equipment” / «оборонительное снаряжение» [Ibidem].

Что касается участия российских ВКС и ВМФ в войне против терроризма в Сирии, присутствие российских войск в этой стране американские СМИ называют не иначе как «интервенция»: “... military intervention in Syria, nominally aimed at hurting Islamic State, has helped keep Bashar al-Assad in power” [7]. / «... военная интервенция в Сирию, номинально направленная на нанесение ущерба исламскому государству, помогла сохранить власть Башара Асада». Несмотря на то, что российские войска находятся и действуют в Сирии по приглашению законного правительства в полном соответствии с международным правом, употребление дисфемизма “military intervention” / «военная интервенция» создаёт впечатление об агрессивности России и неправомерности её действий.

Отдельного рассмотрения заслуживает развёрнутая в СМИ США кампания по дискредитации новоизбранного президента США Д. Трампа на основании якобы имевшего места вмешательства России в ход выборов. Несмотря на очевидную абсурдность предположения о самой возможности такого вмешательства и полное отсутствие каких-либо доказательств в его пользу, СМИ США изо дня в день повторяют фразы “Russian cyberpower invaded the U.S.” [4] / «Русская кибернетика вторглась в США», “Russia’s interference in the 2016 election” [8] / «Вмешательство России в выборы 2016 года». Использование такой прямой и грубой лжи в политическом дискурсе возмущает даже сам политический истеблишмент США. Президент страны Д. Трамп отказался отвечать на вопросы корреспондента компании *CNN*, заявив: “You are fake news!” /

«Вы – фальшивые новости», а затем обвинил во лжи и другие ведущие СМИ США: *NBC*, *CBS*, *ABC*, *New York Times* и *The Washington Post* [2].

Таким образом, политический дискурс современной информационной войны приобретает следующие отличительные черты:

- 1) небывалая массовость дискурса, вовлечённость в него читателей блогов, пользователей социальных сетей и интернет-форумов, совокупная численность которых превышает 2 миллиарда;
- 2) снижение стандартов правдивости или хотя бы правдоподобности сообщений, широкое использование непроверенных и заведомо ложных сведений, распространяемых не только в социальных сетях, но и через традиционные СМИ;
- 3) использование приёмов эвфемизации не для смягчения оценки, а для сокрытия правды, дезориентации и дезинформации;
- 4) широкое употребление дисфемизмов и ярлыков для формирования и поддержания образа врага.

Публичное разоблачение лексических манипуляций, формирующих отрицательный образ России, может стать эффективным средством защиты массового политического сознания от информационной войны.

Список источников

1. Павлова Е. К. Языковые проблемы глобальной политической коммуникации и перспективы их решения посредством гармонизации национальных тезаурусов. М.: «Прометей» МПГУ, 2007. 240 с.
2. **'Fake News': Trump Tweets Glee as Three CNN Journalists Resign over Russia Story** [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/media/2017/jun/27/three-cnn-journalists-resign-over-retracted-trump-russia-story> (дата обращения: 13.09.2017).
3. **Harris G., Sengupta S.** Obama and Putin Play Diplomatic Poker over Syria [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2015/09/29/world/middleeast/un-general-assembly-syria-isis-refugees.html?mcubz=3> (дата обращения: 11.09.2017).
4. **Lipton E., Sanger D. E., Shane S.** The Perfect Weapon: How Russian Cyberpower Invaded the U.S. [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2016/12/13/us/politics/russia-hack-election-dnc.html?rref=collection%2Fnewseventcollection%2Frussian-election-hacking> (дата обращения: 11.09.2017).
5. **Myers S. L., Schmitt E.** Russian Military Uses Syria as Proving Ground, and West Takes Notice [Электронный ресурс] // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2015/10/15/world/middleeast/russian-military-uses-syria-as-proving-ground-and-west-takes-notice.html?mcubz=3> (дата обращения: 12.09.2017).
6. **Reagan R.** "Evil Empire Speech" (8 March 1983) // Voices of Democracy. URL: <http://voicesofdemocracy.umd.edu/reagan-evil-empire-speech-text/> (дата обращения: 13.09.2017).
7. **Russia's Military Action in Syria – Timeline** [Электронный ресурс] // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/mar/14/russias-military-action-in-syria-timeline> (дата обращения: 12.09.2017).
8. **Sheth S., Bertrand N.** Trump Jr.'s Meeting with a Russian Lawyer Sheds New Light on the Extent of Russia's Election Interference [Электронный ресурс] // Business Insider. URL: <http://www.businessinsider.com/evidence-russia-meddled-in-us-election-2017-6> (дата обращения: 11.09.2017).
9. **Warren J.** A Loyal New York Democrat Now Says Obama Too Passive in Dealing with Putin, Ukraine [Электронный ресурс] // New York Daily News. URL: <http://www.nydailynews.com/blogs/dc/obama-loyalist-disagrees-ukraine-policy-blog-entry-1.2152994> (дата обращения: 11.09.2017).

EMOTIONAL AND EVALUATIVE VOCABULARY IN THE POLITICAL DISCOURSE UNDER CONTEMPORARY INFORMATION WAR

Pavlova Elena Kasimovna, Doctor in Philology, Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
Helen_Pavlova@hotmail.com

The article is devoted to the study of emotional and evaluative vocabulary used in the global public political discourse under contemporary information warfare to control public opinion, to shape the image of the enemy and to conceal the unpleasant truth. Traditional lexical means, such as euphemisms and dysphemisms, are widely used in modern political discourse to achieve these goals. But there are some dangerous trends: a significant decrease in the reliability of information in the media, the dissemination of unproved and fake news; use of euphemisms not for amelioration of meaning, but for its falsification; especially frequent use of dysphemisms in order to expose Russia as an evil enemy. In combination with the dominance of the US mass media in the global information space, this political discourse is misleading world public opinion. Public disclosure of these lexical manipulations can be one of the means of protection against information warfare.

Key words and phrases: political discourse; information war; image of enemy; euphemism; dysphemism.